Юрий Казарин

Имя травы

Стихотворения

СТИХИ ™
• издательство •

Серия «Срез»

Книга десятая

Литературное объединение

Москва, 2018

УДК 821.161.1-1 Казарин
ББК 84(2=411.2)6-5
К

Литературное объединение

Имя травы.
Сборник стихотворений / Юрий Казарин. — 82 стр. с илл. — Серия «**Срез**». Книга десятая. Книжные серии товарищества поэтов «**Сибирский тракт**»
ISBN 978-5-9909267-3-8

В книгу Юрия Казарина вошли стихотворения, написанные в течение последних десяти лет. Добрая половина стихотворений публикуется впервые.

В оформлении использован фрагмент картины Михаила Врубеля «**Демон сидящий**».

ДИЗАЙН-БЮРО «РЕВОЛЬВЕРАРТ»
Делаем преимущества очевидными

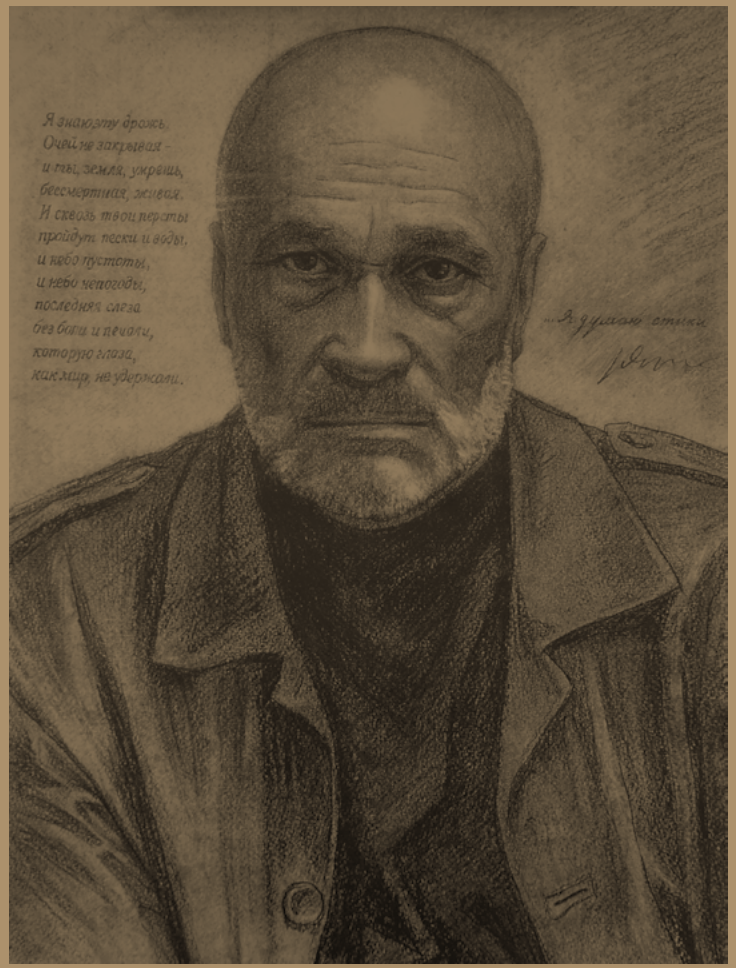
© Юрий Казарин, текст, 2018
© Издательство «СТиХИ», 2018
© Геннадий Халдин, иллюстрации, 2018
© Дизайн-бюро «Револьверарт», 2018

Юрий Казарин

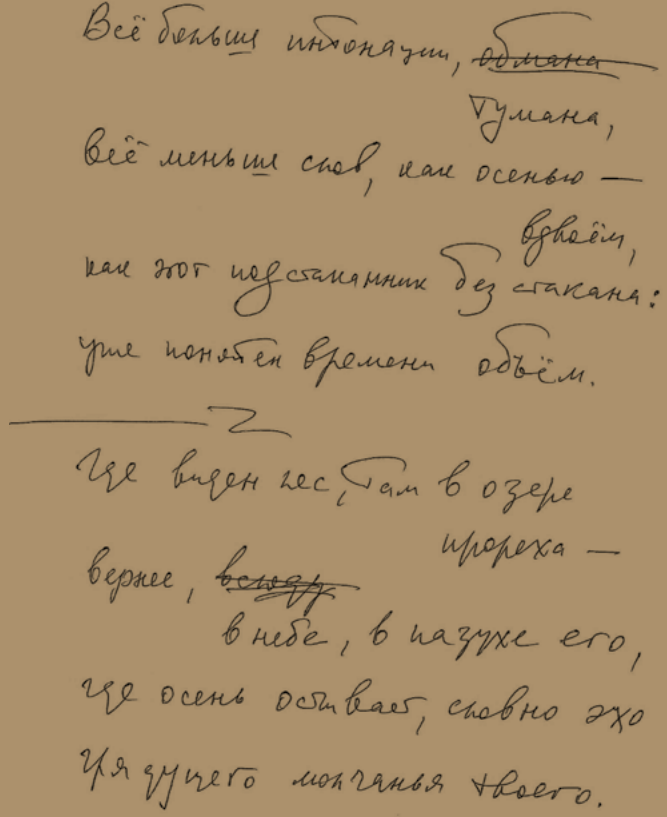
Имя травы

Стихотворения

СТиХИ
книги для чтения
Сибирский тракт и хорошие индивидуальности
Москва



О, Господи, не умирай
своих животных и растений
и не вверяй без потрясений
тяжёлый, нежный ад осенний
в мерцающий и мёртвый рай.


Всё больше интонации, ~~обмана~~
Умана,
всё меньше слов, как осенью —
вдвойне,
как этот подстаканник без стакана:
уже понятен времени объём.

Где виден лес, там в озере
прореха —
вернее, ~~всюду~~
в небе, в пазухе его,
где осень остывает, словно эхо
для другого молчанья твоего.

* * *

В пепельнице окурок,
в небе кусок луны.
Тысячу слов, придурок,
вытянешь из стены.

Спи, говорю, покуда
счастья на свете нет:
значит, иное чудо
мучает этот свет.

* * *

О, Господи, не умирай
своих животных и растений
и не вперяй без потрясений
тяжёлый, нежный ад осенний
в мерцающий и мёртвый рай.

* * *

Чтобы вырезать дудку из ветки в лесу,
нужен мальчик-заика и ножик,
и река, и чтоб небо щипало в носу,
и пыхтел под рябинами ёжик.

Скоро дождик равнине вернёт высоту,
в одуванчике высохнет ватка.

После ивовой дудочки горько во рту,
после ивовой музыки сладко.

* * *

Взгляд остановлен птицей.
Господи, стрекоза…
Небо кольнёшь ресницей —
что это? чья слеза?

Вечность — простое чудо:
видишь меня, вода?
Скоро и мы оттуда
будем смотреть сюда.

* * *

Проснёшься ночью — света нет,
и не было его,
как будто это новый свет,
иное вещество.
Всё исковеркано ледком —
красивое зато,
как будто кто-то босиком
ходил. Я знаю, кто…

* * *

Ты легко поднимешь руку
на прощанье, чтоб рассечь
мир на полную разлуку
и на внутреннюю речь.

Беспризорник бьёт небольно
в створ небесного окна,
и звенит в мяче футбольном
ангельская тишина.

И опущенную руку
дождевая ищет нить,
чтобы музыку и муку
навсегда соединить.

* * *

Собака плавает в пруду.
Я что-то спички не найду.

Вот сигареты, пальцы, губы,
вот берег, лес, плотина, срубы,
вот неба с ласточкой торец,
и с чёрной удочкой отец

стоит над прудом и в пруду
не отражается, покуда
плывёт собака ниоткуда.
А спички — вот, и это — чудо
в две тысячи восьмом году.

* * *

Режет глаза в окошке —
это распустится
то ли цветок картошки,
то ли капустница.

Бабочка оживает,
распространяясь в ряд,
мечется, пришивает
к воздуху влажный взгляд.

Всё на живую нитку
сшито — не перешить…

Высмотреть эту пытку.
Выплакать эту нить.

* * *

Всё больше интонации, тумана,
всё меньше слов, как осенью — вдвоём,
как этот подстаканник без стакана:
уже понятен времени объём.

Где виден лес, там в озере прореха —
вернее, в небе, в пазухе его,
где осень остывает, словно эхо
грядущего молчанья твоего.

* * *

Шёпотом дождь поёт. Значит, вот-вот зурна
вступит и замолчит. Кукла больна. Она

смотрит не из себя, а из земли сквозь нас
в бездну, и вновь в себя — не закрывая глаз.

Пухом земля — земле. Снегом земля — душе.
Хлеб с золотой ноздрёй весь отражён в ноже.

Осень сошла с ума. Осень сошла с ума.
Осень сошла с ума. Значит, уже зима.

* * *

Упираясь лбом в звезду,
чувствую, как тесно Богу.

В валенках на босу ногу
ночью выйду на дорогу
и уйду…

* * *

Ты знаешь изначально —
чем глубже, тем больней:
не истина печальна,
а приближенье к ней.

Не бабочек-снежинок
междоусобный дым,
а зренья поединок
с безумием твоим.

* * *

От неба и огня, и от воды глубокой
очей не отвести с присушенной слезой.
Болит лицо земли, поросшее осокой,
по циркулю с кержацкою косой.

Нет на воде лица. Волна. На ней лица нет:
так смотрит с высоты и давит, боже мой,
окрестный взгляд без глаз — и он не перестанет
быть светом или тьмой. Быть светом или тьмой.

Грядущее — с небес, забытое — из хлябей
вычитывать, читать. Из гоголевских стуж
и зноев расплетать огонь, как волос бабий,
до чёрного листа сгоревших «Мёртвых душ».

Очнуться. Умереть. И долго ждать ответа:
кончается ли смерть? — Кончается. Она
не дума и не дым, а остановка света —
прозрачного до аспидного дна.

И, умерев, взойти в утраченное время,
земной короткий век перезабыть спеша,
и знать, что наяву не ястреб и не темя
упрётся прямо в бездну — а душа.

Не пустотою стать, а новой частью взгляда
окружного, когда всё видится, когда
не слёзы принимают форму ада,
а время — форму пламени и льда.

* * *

Меж безднами двумя
то лодка, то ресница
качается, стоймя
стоит себе — и длится…

Утешь меня, утешь,
глагол, своим недугом —
своим зияньем меж
значением и звуком.

* * *

Кто-то спросил: — Ну, как? —
ночью в пустом дому.
Я говорю: — Никак, —
этому никому.

Поздно. Я спать пошёл.
Просто оставлю свет.
И положу на стол
парочку сигарет.

* * *

А. Решетову

Эти пальцы, веки эти
онемели в Рождество.
Нет на том, соседнем, свете —
кроме снега — ничего.

Помнят ли при тёмном свете,
как зима вползает в лес, —
птицы, ангелы и дети…
Население небес.

* * *

Медленно, медленно ваза,
выпав из левого глаза,
бьётся. На звук и на свет
вся распадается. Нет,
и на цветы, и на воду,
на пустоту и свободу
полного небытия…

Вечная ваза моя.

* * *

М. Никулиной

Зима в деревне холоднее:
в сугробах бездна, леденея,
сухим огнём отражена.
Какая близкая она.
Живу в деревне — прямо в небе,
о боге думаю, о хлебе.
И ангелы средь бела дня
с рябины смотрят на меня.

* * *

В морозы горький свет: в деревне пахнет дымом,
и на веранде пыль алмазная, когда
вдруг разорвёт бутыль, а воздух невредимым
останется стоять, как в проруби вода.

Без бабочки твой взгляд слоится и порхает —
повсюду снегопад, паденье и полёт.
Но время — это свет, и он тебя вдыхает.
Но вечность — это тьма: она тебя умрёт.

Тесня звезду зрачком, поймёшь в краю убогом:
что, именем своим, пройдя сквозь языки,
Бог остаётся быть двунадесятым богом,
вдувающим озноб в живые позвонки.

И варежку прожжёт алмазная присыпка,
и валенок уйдёт в замёрзший материк.
Когда шагаешь, снег кричит — ещё не скрипка,
и даже на бегу звучит — уже не крик.

На окнах, на садах — повсюду белый дёготь, —
любовь моя слепец, любовь моя беглец:
ей только обнимать, искать, ласкать и трогать,
и очи закрывать всему, что не слепец.

С фонариком луна и ангел с сигаретой,
как вспыхивает спирт — вот так глядит мороз
и плещет голубым, на кровле непрогретой
наращивая соль земли, морей и слёз.

Твоя звезда — с кулак, и тоже пахнет солью,
как кровь твоя, в тебе нашедшая тупик.
Душа хотела стать звездой, а стала болью,
в которую вошла, как музыка в язык.

* * *

В полуслезах, в полубреду
с подземной музыкой иду
к другой — неслыханной, небесной —
оборонять свою беду
и слушать ангелов во льду…

Мне хорошо в твоём аду
молчать над бездной.

* * *

Курю в больничном туалете,
тайком, почти на этом свете,
где лампочка из-за угла
беднее зимнего тепла,
где мёртвые ладошки моли,
черпнувшие чрезмерной боли,
навстречу машут, дураку,
и сыплют пепел на башку…

* * *

Где очень больно, там светло,
а здесь темно и не бывало.
Я спал и думал: всё прошло,
а оказалось — всё пропало.

Удушье снов, удушье слёз —
до немоты и полной муки
произносить большой мороз
и в нём клубящиеся звуки.

У этой музыки твои
зрачки сиреневые… Боже,
и ледяные соловьи
без оперения и кожи…

* * *

В стену горох, в стену горох,
ливень в последней своей прямизне.
Это не птица защёлкала — бог
заговорил во сне.

Трогаю капли, на пальцах коплю,
складываю в ладонь.
Всё, что люблю, всё, что люблю, —
это вода и огонь.

* * *

Плачет кулик, плачет кулик,
топчет водицу.
Я забываю русский язык —
слушаю птицу.

Холодно как. Слишком светло.
Баба в футболке
ковшиком в кадке разбила стекло —
в горле осколки.

Плачет кулик, плачет кулик,
топчет водицу.
Я забываю русский язык —
слушаю птицу.

* * *

Птичка серая скажет мне:
остаёшься в своей стране —
белой, каменной, ледяной…

Полетели на юг со мной.

Отвечаю сквозь первый снег:
я не ангел — я человек,
я — земля, я из глины весь…

Я давно похоронен здесь.

* * *

Так пасмурно, что нету небосклона
и некуда мечтать.
Вот лобачевская ворона:
пропала, появилась и опять
исчезла, и внезапно показалась —
и с глаз долой средь бела дня,
как будто вся во времени осталась…

Как мало времени осталось у меня.

* * *

Стать золотым и нелюбимым
и умереть — и всё забыть.
Работать воздухом и дымом,
и белой глиной. Глиной быть.
И пальцев ждать — с небесной тенью —
для лепки, ласки и труда
Того, кто выгладит смятенье
из благодати и стыда.

* * *

Крикнуть себе вослед:
счастья на свете нет.
Если случится где-то —
значит, оно без света.
Меньше в огне огня
стало. Наполовину.
Вылепи из меня
глину.

* * *

Мёд золотой листвы выпит наполовину,
в дерево наливают с неба прозрачный дым,
выпитое пространство — вечности смотрит в спину,
видит берёзу, мёдом полную золотым.

Если не утирать слёзы, увидишь руки —
в пятнышках божьих кожа, белые рукава,
сыплющие сюда то тишину, то звуки,
помнящие щепоть, чтобы ловить слова.

Пальцы твои всегда пахнут медовой глиной,
воздуха воск зальют в горло — и тёплый звук,
если голосовой — ходит дорогой длинной,
если как поцелуй — то исчезает вдруг.

Сердце не надломить хлебом неучерствимым —
разве что надорвать, как золотой листок —
листик, листочек, лист — вместе с прозрачным дымом:
осень тебя целует прямо в седой висок.

* * *

Сивый, больной, поддатый,
жизни на три копейки —
вот деревенский Данте
в валенках, в телогрейке,
в думах, в своей простуде,
вечно в обнимку с твердью:
ангелы — это люди,
переболевшие смертью.

* * *

Кто ягнёнка белого поставил на крыльцо?
Ах, у снега первого Господа лицо.
По утрам у Господа детское лицо.
Он ягнёнка белого поставил на крыльцо.

* * *

В этом доме был вчера покойник.
Окна — настежь. Комнаты пусты.
Сядет воробей на подоконник.
Дедушка посмотрит с высоты.

Бабушка развесила бельишко.
Парится картошка в чугунке.
Спит в саду зарёванный мальчишка
с яблоком надкушенным в руке.

Видит он: на кладбище копают,
старики заглядывают в сад.
Слишком высоко они летают —
мальчики туда не долетят.

* * *

Внесла лубяное бельё —
на улице похолодало.
А холоду все-таки мало
на вечное время моё.

Тоска раскидала тряпьё —
до смерти меня целовала.
А как мне любви не хватало
на грешное время моё.

С вокзала кричит вороньё —
по крику дойдём до вокзала.
На горле платок завязала —
кончается время моё.

* * *

Воскресенье. Выпал снег.
По следам, чернее боли,
видно, как в трамвайном поле
заблудился человек.

Ляжет первый — лежебок —
малосольный, полулетний.
Не растаял бы… Дай Бог,
чтоб, как рюмка, не последний.

Сыплет вкось, исподтишка —
ангел, снежная щекотка.
И у девочки бородка
не растаяла пока.

* * *

В том месте, где душа
донашивает тело,
ни хлеба, ни гроша,
ни Бога, ни предела.

Вся кость пошла на крест —
крестец апрельской плоти,
и высятся окрест
дожди в мужской работе.

Не ливень, а нахрап —
по яблочко в колодец.
На свете столько баб
с глазами богородиц.

Отнимешь от земли
такую росомаху —
и тихо до петли
на сердце рвёшь рубаху.

Шмель

Я на руке несу шмеля —
о, полосатая земля…

Скажите Богу и шмелю,
как я в июне жить люблю.

Как я одну её любил —
и убивался, и шмелил,

на рукаве неся шмеля,
как горы носят Шамиля.

* * *

Сибирь прилипла к сапогу,
и я подумать не могу,
где и с какого краю
я по ночам летаю.

Но, как во сне, глаза открыв,
я вижу поле и обрыв,
где путают ресницы
то слёзы, то синицы.

Я за дождём во всю длину
в чужое небо загляну,
не делая ни шагу
к проклятому оврагу.

А хорошо на высоте
болтать ногами в пустоте,
как ангелы болтают,
когда они летают.

* * *

Пахнет красным жёлтый донник,
если слово пить до дна.
Если поле — подоконник,
подоконник без окна.

Дождик, дождик, ящик тесный,
отвори в последний раз
без ножа разрез небесный
противоположных глаз.

* * *

Лампу выкручу-вкручу —
звук пустой и нежный.
Что-то хлопнет по плечу
в темноте кромешной.

Ничего в сковороде,
кран поёт разлуку,
наклоняешься к воде
почеломкать руку.

В тишине такой, малыш,
ничего не значишь,
даже если говоришь
или просто плачешь…

* * *

Я поплачу над фильмом плохим:
ещё с прежней женою
я в кино отправлялся бухим —
за чекушку, с тоской ледяною
погибал под Феллини. Взашей
удалялся, скотина-скотиной.
Я и сам был талантливейшей
безбюджетной картиной.
Обрывался, как заяц — скачок,
на щеке пропечатался прутик.
Собиратель пространства — зрачок —
мне, как смерть, эту ленту прокрутит
через двадцать беспамятных лет,
где меня уже нет —
между словом последним и делом,
в этом фильме — то чёрном, то белом.

* * *

Я ничего у тебя не прошу —
нехорошо перед самой разлукой.
Сердце сжимается — так и ношу
этот кулак между миром и мукой.

Дождь сокрушается небом седьмым —
нижнее небо стоит снегопадом:
чувствуешь, кто-то шатается рядом —
зрячим, ласкающим, глухонемым,
музыкой, смёрзшейся в дерево, в дым,
остановившимся выдохом, взглядом,
воротником, рукавицей, подкладом,
стёганным голосом голым моим…

* * *

Только глаза мои в темноте не трожь,
очень горячая — зрячая дрожь:
душу от взгляда не оторвёшь.

Лучше, любимая, отойди —
с бабочкой-тряпочкой на груди.

Разрыв-трава

1.
Имя травы — разрыв.

Спишь, бескозыркой лицо накрыв.
Это последний в себя заплыв.

Имя травы — разрыв.

Женщина песню — простой мотив —
вспомнит, по кругу глаза пустив.

Имя травы — разрыв.

Руки от глины едва отмыв,
бог засыпает — ни мёртв, ни жив…

Имя травы — разрыв.
Имя травы — разрыв.

2.
Имя травы — разрыв.
Не ходи по траве —
мёртвый, глаза открыв,
с лошадью в голове.

Глина из-под копыт
в небо, как взгляд, летит:
там тишина да хруст,
и пустотой болит
Кассиопеи куст…

* * *

Не важно, жив ли я, мой друг:
твой взгляд выходит на свободу,
описывает полный круг —
и отдаётся небосводу,
где боги долгие глядят
в огонь на алые поленья —
и возвращает блудный взгляд
глухонемое изумленье.

* * *

Господь несёт уста, острее главной стужи,
и неба лёгкий слух, как пух, несёт в горсти.
И ящерица речь переползает в уши,
и снова ищет рот, чтоб в сладкий мозг вползти.
Кто видел речь царя, его уста и звуки,
тот слышал слух толпы, — и плакала толпа,
и, ворсом вышины лаская лик разлуки,
молчал поэт, пока его любили муки,
пока кричал петух, пока из-под горба
тошнило тишиной того, кто бил раба.

* * *

Никогда. Может, вечером, что ли…
Я очнулся в возвратном глаголе —
и меня понесли никуда.
И во мне затвердела вода…

Остановятся красные реки:
это вечность надвинется — вся,
это небо надавит на веки,
чтоб увидеть, что видеть нельзя.

* * *

Нет, не снежок — расстелили простынку.
К сердцу коленки поджала трава.
Ловит пустыми глазами снежинку
мёртвой земли голова.
Это к тебе возвращаются взгляды
прямо из бездны, где был снегопад…

Утром на ёлочках — белые клады.
Это уходят в себя снегопады,
остановившие взгляд.

* * *

Как ресницы, растёт снегопад.
Намокают, как варежка, птицы.
И неведомой шерстью шуршат
мирозданья чужие ресницы:
словно грянул божественный взгляд,
и, в себя ускользая, летят —
сквозь себя — золотые синицы.

* * *

Сколько воды перемытой побили —
блюдец, тарелок… Присыпав мукой,
речку тяжёлую остановили
холодом, как рукой.

Видишь, ведро приковали к колодцу.
Видишь, убитый, иду по сугробцу —
до нецелованных льдов,
не оставляя следов…

* * *

Одиночество закуривает. Смотрит в окно.
За окном темно.
Поэтому отражается в чёрном стекле
всё, чего нет на земле:
счастья, покоя, воли нет —
есть только свет, нестерпимый свет
в сердце моём. Остальное — тьма
ранняя, потому что в Сибири зима.

Одиночество сходит с ума.

* * *

Поднимите веки розе —
пусть посмотрит на снега.
Видишь, речка на морозе
поженила берега.

Бьются лбом в кувшинах реки.
Поднимите розе веки —
там гуляет, как волчок,
страшный, господи, зрачок.

Дунь на розу, дурачок…

* * *

Какая долгая Сибирь,
малиновая на востоке.
Румянец Господа — снегирь.
С небес светящиеся щёки.

Какая долгая слеза —
и в полынье таймень Батыя.
И в рыбьем черепе — глаза
кошачьи, божьи, золотые.

* * *

Прозрачны зимние сады,
и над костром, светлей слюды,
тень воздуха в стволах струится,
как призрак высохшей воды, —
и у него твои ресницы.

Глаза взыскуют высоты
в грядущем воздухе незримом,
где всё, что передумал ты, —
от красоты до пустоты,
теперь клубится горьким дымом.

* * *

Как в глубине твоей темно:
там время звёздное, иное —
и тянет нить веретено,
её свеченье ледяное.

Незримой шерстью вещества —
ужасной, господи, прекрасной —
взгляд распускается в слова
для речи тёплой и напрасной.

Дыши, родная. На зубок
со льдом берётся пряжа речи.
Разматывается клубок
сердец. Светает. И восток
ложится — весь — наискосок
овечьим инеем на плечи.

* * *

Ветер глотает свои глаза —
и на окне слеза
увеличительная, смотри:
в яблоне фонари —
белые снегири.
Волчьи фонарики — зелены,
а в кулачке — малина.
Словно вернулся с чужой войны,
выпил рюмочку тишины,
дочь повидал и сына.
С тенью обнялся, белей стены…
Так обнимает глина.

* * *

Уронила варежку. Малину
до тепла с ладошки не слизнуть.
Отовсюду звёзды дуют в спину,
в синеву указывая путь.
Холодно до крика, — чтоб запястья
нежной шерстью растирать,
чтобы смерть расплакалась от счастья:
никого не нужно умирать.
В белом поле ходит снегом бездна.
В чёрном — звёзд и боль, и благодать.
И глаза глядят, как белый свет, отвесно,
чтобы небо в небе удержать.

* * *

Долгой слезе не хватает ресниц —
в небе качается дерево птиц:
всё — без ветвей и ствола — из полёта,
дрожи прозрачной, — чудесное что-то
держит его выше нас — на весу, —
сколько я неба в глазах унесу,
если глаза твои силой ресниц
плещет над озером дерево птиц…

* * *

Смерти сестра — вечность иная,
неупиваемой жизнью больная.
Пляшет репей на собачьем хвосте.
Шарик деревни дрожит в высоте:
жаворонок на незримом шесте
солнце взбивает из синей муки́,
бабушка смотрит, меня вспоминая,
прямо из вечности — из-под руки,
неупиваемой жизнью больная.
Жарко-то как — а рука ледяная…

* * *

Кто-то ходит с пустым ведром —
носит воздух ночной и гром:
если дрогнет в кустах рука —
он вдоль веток звенит слегка.
Это нежность огладит жесть:
значит, в небе рука тепла,
значит, звёзды на небе есть
и небесная ночь светла.
Ах, кому ты её несёшь —
невесомую эту дрожь —
в ноябре или в декабре
горстку снега в пустом ведре…

* * *

С ведром пустым, певучее оно,
пойдёшь к водице, как заведено,
и рубишь топором, пока темно,
во льду, во тьму озёрную — окно,
и, вспыхивая лбом, со дна всплывает
могучий камень. Господи, бывает,
случается свобода, или свет,
которого на этом свете нет:
ты ждёшь, ты ищешь тёмные глазницы,
но, глубиной высокою объят,
он сам себе зрачок и яблоко, и взгляд,
и плавных струй ужасные ресницы, —
и звёзды, обомлевшие давно,
заглядывают в новое окно
и просят тень твою посторониться.

* * *

Зима. Высокие морозы.
С небес в глаза текут берёзы,
как замерзающие слёзы:
с небес нетронутых — сюда.
И воздух крепок, как вода.
И в узелках твои ресницы,
и свет начальный тьмы темней,
и хорошо тебе не спится
в заочной вечности твоей.

* * *

И с лопатой в сугроб войдёшь,
чтоб на место вернуть тропинку, —
словно в небо назад смахнёшь
недоношенную снежинку,
словно воду веслом копнёшь,
и вернуться не хватит силы,
и взойдёт до небес сквозь жилы
глубины хоровая дрожь.
Ах, окопчик — прямей могилы:
синей тенью легла тропа,
и скворешен на ветер стылый
надуваются черепа.
И лопата в сугроб войдёт —
если бездна не стиснет рот.

* * *

Снег ворочается во сне
по весне… По весне
тает сердце зимы в стране,
умирающей на войне.
Снег ворочается во мне:
в окнах призраки снегопада,
и мерцает звезда во сне,
словно зеркало в глубине
взгляда.

* * *

Заиндевелых пчёл
в кустах сороковины.
Ты птичий след прочёл
до ужаса, до глины,
и снегопад в мороз
отбрасывает тени —
и снег черноволос,
как призраки растений,
и ночью длится день —
и нежной смертью, бездной,
узнав хрусталь отвесный,
в себя цветёт сирень.

* * *

Озеро длинное зеркало льда
к небу подносит, к губам, — и не слышит, —
в проруби чёрной плеснула звезда,
в бездне родной содрогнётся вода:
вышнее — дышит…
Стужа мне очи солёные выжжет,
чтобы не ведать стыда.

* * *

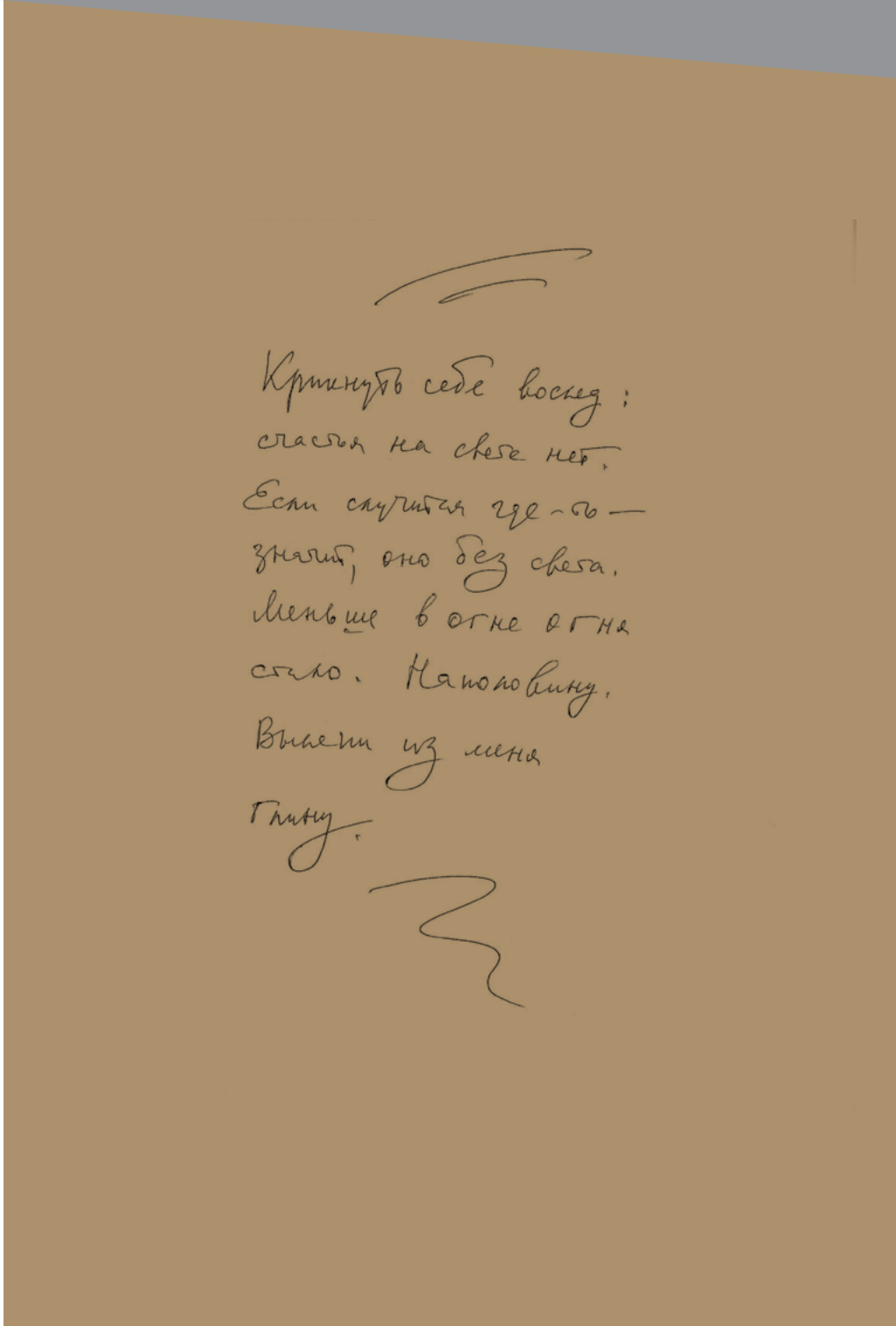
Небо не помнит себя: с воды
в небо глядит на себя — и в воду
с неба выкатывает плоды:
яблоки волн, на волне — следы
лодок, целующих в лоб погоду,
чтобы веслом зачерпнуть беды
и в небесах распахнуть сады,
освободив — свободу.

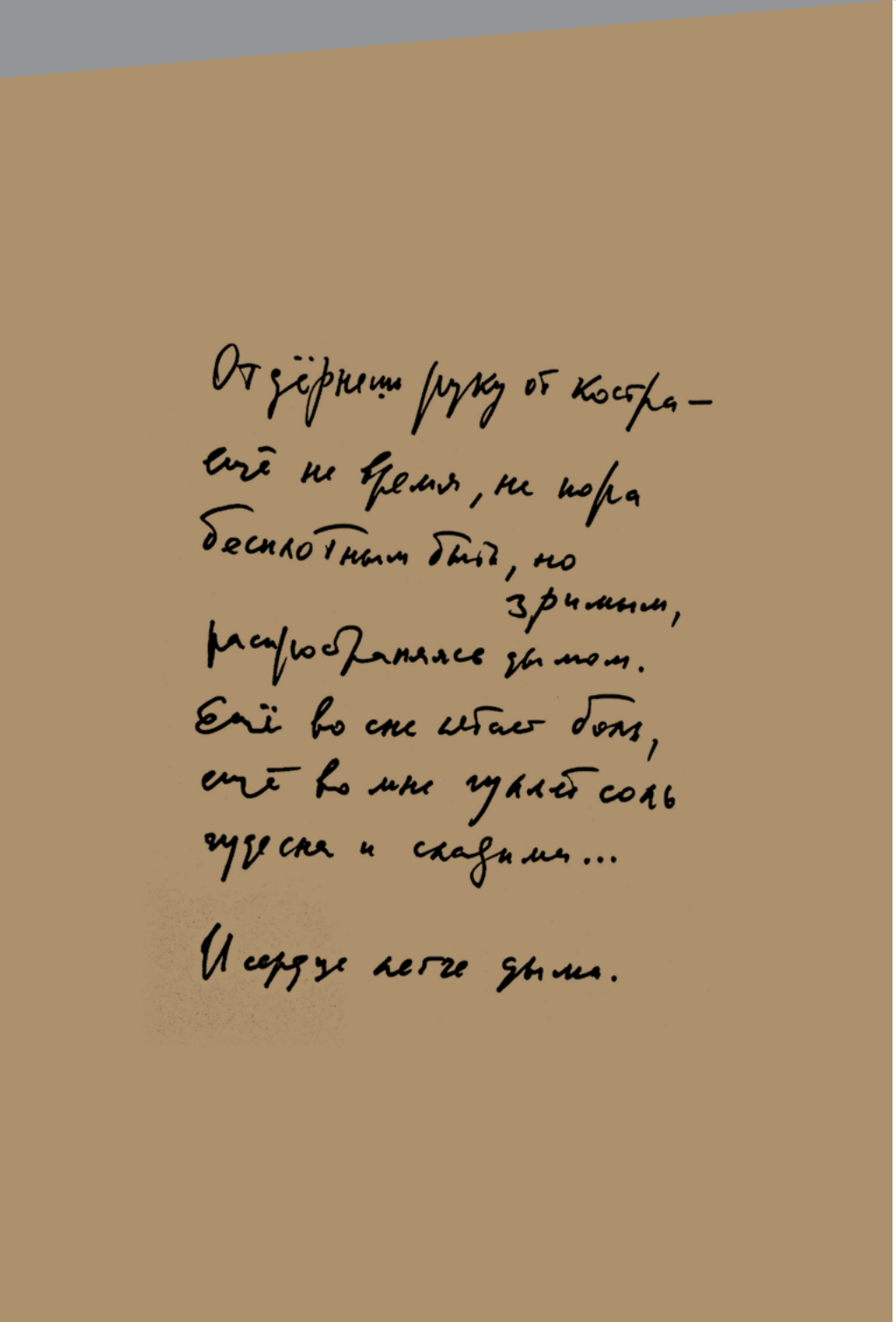
* * *

Черна изнанка снега и нежна:
в ней сумраки и призраки, и тени, —
и голову деревня на колени
поленницам кладёт, и тишина —
глубокая, как голос и луна,
ведёт во льду высокие ступени,
где бездна принимает, холодна,
живой хрусталь игольчатых растений
и смотрит изумлённая, одна —
на зимний очерк сада из окна.

* * *

Кто же ты, снегирь наполовину:
в дереве у гоголя в углу
медленно вдеваешь паутину
в золотую хвойную иглу,
янтарём с тугими ободками
смотришь из божественной смолы —
всюду накрывают облаками
на воде воздушные столы.
Время вышивает паутиной:
это просто скатерть, а не смерть…
Умываться небом и малиной
и на птицу алую смотреть.


Кренуть себе вослед:
счастья на свете нет.
Если случится где-то —
значит, оно без света.
Меньше в огне огня
стало. Наполовину.
Вынести из меня
глину.


Отдёрнешь руку от костра —
ещё не время, не пора
беспечным быть, но зрим,
распространялся дымом.
Ей во сне шепчет бог,
ещё во мне пылает соль
чудеса и сказки...

И сердце легче дыма.

Содержание

«В пепельнице окурок..» 7
«О, Господи, не умирай…» 8
«Чтобы вырезать дудку из ветки в лесу…» 9
«Взгляд остановлен птицей…» 10
«Проснёшься ночью — света нет…» 11
«Ты легко поднимешь руку…» 12
«Собака плавает в пруду…» 13
«Режет глаза в окошке…» 14
«Всё больше интонации, тумана…» 15
«Шёпотом дождь поёт. Значит, вот-вот зурна…» 16
«Упираясь лбом в звезду…» 17
«Ты знаешь изначально…» 18
«От неба и огня, и от воды глубокой…» 19
«Меж безднами двумя…» 20
«Кто-то спросил: — Ну, как?..» 21
«Эти пальцы, веки эти…» 22
«Медленно, медленно ваза…» 23
«Зима в деревне холоднее…» 24
«В морозы горький свет: в деревне пахнет дымом…» 25
«В полуслезах, в полубреду…» 27
«Курю в больничном туалете…» 28
«Где очень больно, там светло…» 29
«В стену горох, в стену горох…» 30
«Плачет кулик, плачет кулик…» 31
«Птичка серая скажет мне…» 32
«Так пасмурно, что нету небосклона…» 33
«Стать золотым и нелюбимым…» 34
«Крикнуть себе вослед…» 35
«Мёд золотой листвы выпит наполовину…» 36
«Сивый, больной, поддатый…» 37
«Кто ягнёнка белого поставил на крыльцо?..» 38
«В этом доме был вчера покойник…» 39
«Внесла лубяное бельё…» 40
«Воскресенье. Выпал снег…» 41

«В том месте, где душа…» 42
Шмель 43
«Сибирь прилипла к сапогу…» 44
«Пахнет красным жёлтый донник…» 45
«Лампу выкручу-вкручу…» 46
«Я поплачу над фильмом плохим…» 47
«Я ничего у тебя не прошу…» 48
«Только глаза мои в темноте не трожь…» 49
Разрыв-трава 50
«Не важно, жив ли я, мой друг…» 52
«Господь несёт уста, острее главной стужи…» 53
«Никогда. Может, вечером, что ли…» 54
«Нет, не снежок — расстелили простынку…» 55
«Как ресницы, растёт снегопад…» 56
«Сколько воды перемытой побили…» 57
«Одиночество закуривает. Смотрит в окно…» 58
«Поднимите веки розе…» 59
«Какая долгая Сибирь…» 60
«Прозрачны зимние сады…» 61
«Как в глубине твоей темно…» 62
«Ветер глотает свои глаза…» 63
«Уронила варежку. Малину…» 64
«Долгой слезе не хватает ресниц…» 65
«Смерти сестра — вечность иная…» 66
«Кто-то ходит с пустым ведром…» 67
«С ведром пустым, певучее оно…» 68
«Зима. Высокие морозы…» 69
«И с лопатой в сугроб войдёшь…» 70
«Снег ворочается во сне…» 71
«Заиндевелых пчёл…» 72
«Озеро длинное зеркало льда…» 73
«Небо не помнит себя: с воды…» 74
«Черна изнанка снега и нежна…» 75
«Кто же ты, снегирь наполовину…» 76

Юрий Викторович Казарин
«Имя травы»

16+

Серия «Срез». Книга десятая.
Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт»
revolverart.ru

Арт-директор, автор макета: Арсений Ли
Концепт-директор: Андрей Пермяков
Главный редактор: Алла Поспелова
Художник: Геннадий Халдин
Вёрстка: Роман Шишкин
Корректор: Инна Домрачева

Бумага офсетная
Гарнитура Minion Pro
Тираж 250 экз.

Издательство «СТиХИ»
141705, Россия, Мытищинский р-н, с. Виноградово, 48 а/б
тел.: +7 (926) 221 1816
почта: lee@revolverart.ru

Издательство Марины Батасовой
почта: tverlit@yandex.ru

Отпечатано в ООО «Альфа-Пресс»
170000, г. Тверь, ул. Советская, 15
тел.: +7 (910) 532 1504
почта: alfa-press@mail.ru

ISBN 978-5-9909267-3-8

Литературное объединение

Серия «Срез»

Книга десятая

СТИХИ
издательство